

НОВЫЙ ГУЛЛИВЕР

он лежал в дальнем углу Земли,
будто за сценой, закрытый
театральным занавесом высокой травы.
они приходили к нему и говорили
на разных наречиях что-то о бытие
и сознании, о материи и смерти,
о жизни и забвении, о смысле и
ещё о чём-то таком, чего он не мог
понять. он лежал на Земле,
прислушиваясь к биению сердца,
и мысли его становились упругими
и сочными, точно рыбы в северной реке.
они ходили вокруг него и говорили,
и их быстрые голоса склеивали его губы.
так что, когда он изредка пытался
им ответить, он извергал изо рта
нечто нечленораздельное.

в испуге они разбегались, но вскоре
собирались вокруг него и ходили,
и говорили, что надо что-то делать,
а не лежать в густой траве и делать вид,
что бытиё и сознание, материя и смерть,
жизнь и забвение, смысл и бог тебя
не касаются. один из них попытался
подобраться ближе к его уху, чтобы
прокричать то, что лежащий никак
не мог взять в толк, но не удержался

и упал, поранив ему при этом мочку уха.
«ой!» — только и вскрикнул лежачий.
«что он сказал?» — спросили они. «кажется,
он сказал: строй!» — придя в себя,
произнёс упавший. и они строили ладно
и ловко. и к осени они построили муравейник
выше человеческого роста. а он всё
лежал в пожелтевшей траве и листья
падали ему на лицо. он закрыл
глаза и увидел звёзды, и путь,
и столетия света, и тысячелетия тишины.

ОСТАНОВКА НА ЗЕМЛЕ

август, не торопясь, собирает в школу
детей, чьи рюкзаки и желудки за лето
опустели. сливы опадают на сухой асфальт,
где подошвы делают из них мармелад.
ремонт дороги затих, будто там взорвался снаряд.
в магазинной витрине отражается сентябрь.
продащица укутывает потеплее манекены,
точно обитателей дома престарелых.
растолстевшие голуби прыгают с крыши —
верно, учитель пения из класса вышел.
прошлый век кончился. память и пиво не греют.
солнечный луч скребёт по щеке, не бреет.

ГЕРОЙ

о, великий царь Прометей,
сын Иапета и Климены,
всё предвидящий и разумеющий,
покровитель искусств и друг людей,
создавший их из глины.

о, бесстрашный титан Прометей,
защитник человечества от произвола богов,
принесший с олимпа огонь
и за то обрекший себя
на бесконечные страдания.

о, бессмертный мученик Прометей,
не стяжавший ни славы, ни власти,
не убивший ни одного чудовища или сына,
обучивший людей всем благам цивилизации
и казнённый за свою любовь к ним.

о, бедный бог Прометей,
во что превратился твой подвиг...
ты — всего лишь электрическая розетка
на стене квартиры, дарующая
мне свет в тёмное время суток.

ПАМЯТИ Е. А. Т.

напророчь мне судьбу, фрау речь;
выдай мне визу, заполни анкету.
я был рождён в розовом восемьдесят первом
(между замёрзшей землёй и известковым небом)
в городе, о котором ничего не знал.
и поэтому ничем не отличался
от остальных жителей ойкумены:
кидал камни в птиц, держал под языком монетку,
стоял на голове, бегал эстафету.
но как я от огромной реки ни гнал, она меня догоняла.
и в карем глазу противоположный берег
в заводском дыму рисовался тем светом.

я вырос в краю гулливерских сапог и беличьих
платиц, кочевал по пространству на ослице.
и солнце обжигало мою голову, как глину.
был голоден, но слишком молод, чтобы у меня за страну
что-то болело, которая сама себя трижды съела,
за её прошлое или настоящее, будущее жевавшее.
ходил вместе со всеми по одним тропам, болел
за компанию гриппом, пил из кружки ржавую водку.
в восемнадцать сменил постельное бельё, шрифт и взору
милые лица. моя память сделалась чёрно-белой сепией.
и хотя я так и не научился молиться... я благодарю
тебя за то, что ты по своему образу
и подобию меня сотворила.

МОЙ ДОМ МОГ БЫ СТОЯТЬ ГДЕ-НИБУДЬ ЕЩЁ

мой дом мог бы стоять где-нибудь ещё.
в зеркале отражалось бы другое лицо,
в прихожей висело бы чужое пальто
и язык говорил бы «шо» вместо «чё».
моё я могло бы жить в ком-нибудь ещё,
во враче скорой помощи или в больном
головой, но падая в ожидающее Ничто,
я цеплялся бы всё равно за перила, как за плечо.

НЕИЗБРАННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ

как держит земля людей...
истоптанная живыми,
вымощенная мёртвыми,
исписанная цитатами
улиц и прозой ландшафта.

как держит полка книги...
потрёпанные переплёты,
плесень, пепел, пыль.
и, как полка без книг, Земля
без людей такая же плоская.